Посторонний в доме

Автор:
Шери Лапенья

Посторонний в доме

Шери Лапенья

Новый мировой триллер

Молодая красивая женщина выбегает из заброшенного ресторана, садится в машину, мчится на бешеной скорости и врезается в столб.

Том Крапп, успешный и привлекательный мужчина, возвращается после работы в свой красивый особняк и обнаруживает, что Карен, его жены, нет дома. Все указывает на то, что она совсем недавно была здесь и покинула дом в страшной спешке.

Стук в дверь: пришел полицейский, он сообщает Тому, что его жена попала в аварию и теперь в больнице.

Карен получила сотрясение мозга и не может вспомнить, что с ней произошло. Вскоре она возвращается домой, и в ее голове понемногу начинают всплывать обрывки воспоминаний. Карен уверена, что кто-то тайком проникал в их дом – кто-то, кого она очень боялась.

Между тем в заброшенном ресторане обнаруживают труп. Теперь Карен просто необходимо восстановить в памяти тот вечер, ведь ее начинают подозревать в убийстве…

Шари Лапенья

Посторонний в доме

Shari Lapena

A Stranger in the House

© Sheri Lapena, 2017

© Березко Д., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается Мануэлю, Кристоферу и Джулии

Благодарности

Мне нужно стольких поблагодарить. Требуется много талантливых людей, чтобы издать триллер, и мне повезло работать с лучшими в своем деле!

Спасибо Хеллен Хеллер, – твои знания, ум, подбадривание и жесткость были как раз тем, что мне нужно. Искренняя благодарность всем в агентстве Marsh за отличное представительство по всему миру.

Огромное спасибо всем моим замечательным издателям. Брайану Тарту, Памеле Дорман и их первоклассной команде из издательства Viking Penguin (США). Огромное спасибо Ларри Финли, Фрэнки Грею из издательства Transworld (Великобритания) и их чудесной команде. Спасибо Кристин Кокрейн, Эми Блэк, Бхавне Чаухан и команде издательства Doubleday (Канада). Мне так повезло

получить лучшие рекламные и маркетинговые команды по обеим сторонам Атлантики. Ваши навыки, энтузиазм и преданность делу меня просто потрясают.

Спасибо моим первым читателям: Лесли Мутик, Сандре Остлер, Кэти Коломбо и Джулии Лапенье – ваши мнение и замечания всегда важны для меня.

И наконец, я бы не смогла написать эту книгу без поддержки моего мужа Мануэля и моих детей, Кристофера и Джулии, ярых читателей.

Пролог

Ей здесь не место.

Она выскакивает из заброшенного ресторана, задыхаясь, спотыкаясь в темноте: почти все фонари перегорели либо разбиты. Несется, не замечая ничего вокруг, словно охваченное ужасом животное, туда, где бросила машину. Каким-то образом ей удается открыть дверь. Она машинально пристегивается, срывается под визг колес с парковки и, даже не притормозив, вылетает на дорогу. Краем глаза замечает что-то знакомое у торгового центра на той стороне улицы, но не успевает рассмотреть, потому что она уже на перекрестке. Набирая скорость, едет на красный свет. Думать она сейчас не способна.

Пулей проносится через следующий перекресток. Скорость превышена, но ей плевать. Ей нужно убраться отсюда.

Еще один перекресток, и снова красный свет. Наперерез уже едут машины. Она не останавливается. Врезается в поток, огибает чужую машину, сея хаос на своем пути. Слышатся визг тормозов и яростные гудки. Она едва не теряет управление. А потом это происходит – момент ясности, неверия, она бешено жмет на тормоза, и машина, влетев на тротуар, врезается в электрический столб.

Глава 1

Этим жарким августовским вечером Том Крапп поставил машину – купленный в лизинг «Лексус» – во дворе своего красивого двухэтажного дома. Перед домом с просторным гаражом – великолепная лужайка с вековыми деревьями. Мощеная дорожка ведет к парадному крыльцу, за ним – тяжелая деревянная дверь. Справа от нее – огромное окно на всю гостиную.

Плавно изгибающаяся улица, где стоит дом, заканчивается тупиком. Все дома здесь похожи, одинаково привлекательные и ухоженные. В них живут зажиточные и оттого капельку самодовольные люди.

Кажется, будто этому процветающему пригороду на севере штата Нью-Йорк, где живут в основном благополучные семьи с детьми, безразличны проблемы городка, на окраине которого он находится, безразличны проблемы остального мира, словно американская мечта все еще живет здесь в своем первозданном виде.

Но окружающая безмятежность плохо вязалась с настроением Тома. Заглушив мотор, с тяжелым сердцем он сидит, полный презрения к себе самому, в темноте.

Внезапно он заметил, что машины жены нет на обычном месте возле дома. Проверил время на наручных часах – 21:20. Может быть, он что-то упустил? Она куда-то собиралась? Он не помнил, что жена о чем-то таком упоминала с утра, но ведь в последнее время он был так занят. Может быть, выскочила по делам и скоро вернется. Она даже не погасила свет, и дом окутывало теплое сияние.

Проглотив разочарование, Том вылез из машины в летний вечер – пахло свежескошенной травой. Он-то так ждал увидеть жену! На мгновение он замер, положив руку на крышу автомобиля, и посмотрел на противоположную сторону улицы. Потом достал с переднего сиденья портфель, пиджак и устало захлопнул дверцу. Подошел к крыльцу, поднялся по ступенькам, открыл дверь. Что-то не так. У него перехватило дыхание.

Он застыл на пороге, держась за ручку. Поначалу Том не понял, что именно его смутило. Только потом сообразил. Дверь не заперта! Само по себе это не так уж и странно: обычно он сразу заходил, потому что Карен уже ждала его дома. Но сегодня она куда-то уехала и забыла запереть дверь. Это совсем не похоже на всегда аккуратную жену. Том медленно перевел дыхание. Может быть, она

просто забыла в спешке.

Он окинул взглядом безмолвный светло-серый прямоугольник гостиной. В доме царила тишина: здесь явно никого не было. Карен не выключила свет, поэтому вряд ли ушла надолго. Может быть, за молоком. Наверняка она оставила записку. Том швырнул ключи на маленький столик у двери, прошел на кухню в глубине дома. Он умирал от голода. Интересно, Карен уже поужинала или дожидается его?

На кухне следы готовки. Салат почти готов, рядом не до конца нарезанный помидор. Том посмотрел на деревянную разделочную доску, помидор и острый нож. Пачка пасты на гранитной столешнице, кастрюля с водой на безупречно чистой газовой плите. Плита выключена, вода холодная: Том проверил, опустив в кастрюлю палец. Потом оглянулся на дверцу холодильника, надеясь увидеть записку, однако на белой поверхности для него ничего не нашлось. Он нахмурился. Достал из кармана телефон и проверил, нет ли там непрочитанных сообщений. Ничего. Это вызвало легкое раздражение. Могла бы и предупредить!

Том открыл холодильник, с минуту постоял, бездумно разглядывая его содержимое, достал импортное пиво и решил приступить к пасте. Он не сомневался, что она в любую минуту вернется. С любопытством огляделся, гадая, что же ей понадобилось. Молоко, хлеб, соус для пасты, вино, пармезан – все есть. Том заглянул в ванную: туалетной бумаги навалом. Больше ничего он придумать не смог. Дожидаясь, пока закипит вода, он позвонил жене, но она не брала трубку.

Через пятнадцать минут паста готова, а Карен все нет. Том поставил дуршлаг с пастой в раковину, выключил конфорку под томатным соусом и, забыв о голоде, бесцельно перешел в гостиную. Посмотрел в большое окно через лужайку на улицу. Где она, черт возьми?! Его стало одолевать беспокойство. Он снова позвонил и в этот раз услышал за спиной приглушенные звуки вибрации. Резко обернувшись, Том увидел на диване вибрирующий телефон. Черт! Она забыла телефон. И как ее теперь найти?

Он принялся осматривать дом в поисках подсказки, куда Карен могла уйти. Наверху, в спальне, он, к своему удивлению, обнаружил сумочку на прикроватном столике. Непослушными пальцами открыл ее, чувствуя легкую вину от того, что копается в вещах жены. Все-таки это личное. Но и случай из ряда вон выходящий. Том вывалил содержимое сумочки на аккуратно

заправленную кровать. Бумажник, кошелек для мелочи, губная помада, упаковка салфеток, ручка – все на месте. Значит, она ушла не по делам. Может быть, понадобилось помочь подруге? Какой-нибудь форс-мажор? И все же без сумочки она бы не села в машину. И разве она бы ему не позвонила, если бы могла? Она ведь могла попросить у кого-нибудь телефон. Такая безответственность не в ее духе.

Расстроенный, Том опустился на кровать. Сердце билось слишком часто. Что-то здесь не так. Может быть, нужно позвонить в полицию. Он представил, как это прозвучит. «Моя жена уехала, и я не знаю, где она. Забыла телефон и сумочку. Не заперла дверь. Это совсем на нее не похоже». Слишком мало времени прошло с момента исчезновения, чтобы полицейские восприняли его всерьез. И он не видел следов борьбы. Все на своих местах.

Он резко вскочил с кровати и принялся лихорадочно обыскивать дом. Но не нашел ничего тревожного: ни сорванного с крючка телефона, ни разбитого окна, ни пятен крови на полу. Его учащенное дыхание, однако, от этого не выровнялось.

Том колебался. Возможно, в полиции решат, что они поссорились. И не поверят, даже если он скажет, что они не ссорились, они почти никогда не ссорятся. У них практически идеальный брак.

Вместо того чтобы звонить в полицию, он побежал на кухню, где Карен хранит телефонную книжку, и начал обзванивать ее друзей.

Глядя на следы разрушения, сотрудник полиции Кёртон устало покачал головой. Люди и автомобили. Он видал и такое, от чего его пустой желудок выворачивало наизнанку. И сегодня все еще не так плохо.

Жертву аварии, женщину предположительно немногим более тридцати, опознать не удалось. Ни сумочки, ни кошелька. В бардачке нашлось свидетельство о регистрации вместе со страховкой. Владелицей машины оказалась некая Карен Крапп, проживающая на улице Догвуд-Драйв в доме 24. Придется ей объясниться. И против нее будут выдвинуты обвинения. Но сейчас скорая увезла женщину в ближайшую больницу.

Судя по увиденному и словам очевидцев, она гнала как сумасшедшая. Не остановилась перед светофором и разбила красную «Хонду Цивик» об столб. Чудо, что больше никто не пострадал.

«Наверное, обдолбанная», – подумал Кёртон. Нужно будет взять у нее анализы.

А может, машина была украдена? Легко проверить.

Однако пострадавшая не была похожа ни на наркоманку, ни на угонщицу. Обычная домохозяйка. Насколько он смог разглядеть в этой крови.

Том Крапп обзвонил людей, с которыми Карен чаще всего общалась. Если и они не знают, где она, то он не будет больше ждать. Он позвонит в полицию.

Дрожащей рукой он в очередной раз схватился за трубку. Его тошнило от страха.

Голос на линии ответил:

– Девять-один-один. Что у вас произошло?

Едва дверь открылась и Том увидел на пороге мрачного полицейского, он понял, что случилось что-то плохое. Его охватил тошнотворный ужас.

– Флеминг, полиция, – представился коп, показывая значок. – Могу я войти? – добавил он тихим вежливым голосом.

– Вы быстро, – ответил Том. – Я только что позвонил в «911».

Его начинало трясти.

– Я здесь не из-за звонка, – сказал коп.

Том провел его в гостиную и, не глядя ему в лицо, рухнул на большой белый диван, будто подкошенный. Ему хотелось как можно дольше оттянуть момент истины.

Но момент настал. Ему тяжело дышать.

– Опустите голову, – сказал Флеминг и мягко положил руку Тому на плечо.

Том согнулся, чувствуя, что сейчас отключится. Казалось, наступает конец света. Спустя мгновение он поднял взгляд. Том не знал, что будет дальше, но чувствовал, что точно ничего хорошего.

Глава 2

Трое пацанов – тринадцатилетки и один четырнадцатилетний с пробивающимся на верхней губе пушком – привыкли, что им никто не указ. В этой части города дети взрослеют быстро. И когда наступает вечер, подростки не корпят за компьютером над домашним заданием и не идут спать. Они на улице в поисках приключений. И, похоже, сегодня они их нашли.

– Йоу, – сказал один, резко остановившись на пороге заброшенного ресторана, где они иногда прятались, чтобы выкурить косяк, когда он есть. Его приятели зашли следом и тоже остановились, вглядываясь в темноту.

– Что это?

– Кажется, мертвый чел.

– Да ладно, Шерлок.

Пацаны настороженно замерли, опасаясь, что они не одни. Но потом поняли, что в здании пусто.

Один из младших с облегчением издал нервный смешок.

Подойдя поближе, они принялись, с любопытством разглядывать труп. На лице и груди распростертого на спине мужчины – огнестрельные раны. Светлая рубашка пропитана кровью. Никто из мальчишек даже не поморщился.

– Интересно, у него что-нибудь есть? – произнес старший.

– Вряд ли, – ответил тот, что помладше.

Рука четырнадцатилетнего уже сноровисто нырнула в карман брюк покойника и вытащила кошелек. Парень заглянул внутрь.

– Кажется, нам повезло, – ухмыльнулся он, показывая кошелек друзьям. Внутри полно банкнот, но в темноте не разглядеть каких. Из другого кармана он вытащил мобильный.

– Возьмите часы и все остальное, – велел он приятелям, а сам, надеясь найти пистолет, принялся осматривать пол. Было бы здорово найти оружие, но на полу его нет.

Тринадцатилетний снял часы. Второй с некоторым усилием стянул с пальца трупа тяжелое золотое кольцо и засунул себе в карман джинсов. Потом ощупал шею покойника, чтобы проверить, нет ли у того цепочки. Цепочки нет.

– Возьмите пояс, – приказал четырнадцатилетний, явно главарь. – И ботинки тоже.

Им доводилось воровать вещи, но еще никогда – с трупа. Охваченные трепетом, они дышали часто-часто. Они только что пересекли своего рода черту.

Старший сказал:

– Пора валить. И не трепитесь.

Приятели посмотрели на него и молча кивнули.

– Не хвалитесь тем, что сделали. Ясно? – повторил старший.

Они снова серьезно кивнули.

– Если кто-нибудь спросит, то нас здесь не было. Погнали.

Парни поспешно выскользнули из заброшенного ресторана, унося с собой вещи покойника.

По голосу копа, по выражению его лица Тому ясно, что тот пришел с плохими вестями. Полиции приходится сообщать их каждый день. И сегодня черед Тома. Но он не хочет знать. Начать бы этот вечер заново: выйти из машины, открыть дверь и увидеть, как Карен на кухне готовит ужин. Хочется обнять жену и крепко держать, вдыхая ее запах. Хочется, чтобы все было, как прежде. Может быть, ничего не случилось бы, вернись он домой пораньше. Может быть, это его вина.

– Боюсь, произошел несчастный случай, – скорбно произнес Флеминг, в его глазах читалось сочувствие.

Том так и знал. Его охватил холод.

– У вашей жены красная «Хонда Цивик»? – спросил коп.

Том не ответил. Этого не может быть.

Полицейский зачитал номер автомобиля.

– Да, – сказал Том. – Это ее машина, – его голос звучал странно, будто издалека. Он посмотрел на полицейского. Время словно замедлилось. Сейчас полицейский это скажет. Он скажет Тому, что Карен мертва.

Флеминг произнес мягко:

– Водитель получила повреждения. Пока неясно, насколько серьезные. Ее отвезли в больницу.

Том закрыл лицо руками. Она жива! В больнице, но, возможно, все не так страшно, и он почувствовал прилив отчаянной надежды. Может быть, все еще будет хорошо. Он отнял руки от лица, сделал глубокий прерывистый вдох и спросил:

– Что, черт возьми, случилось?

– ДТП, – тихо ответил Флеминг. – Ее машина врезалась в электрический столб.

– Что? – переспросил Том. – Как это она могла просто взять и врезаться в столб? Карен прекрасно водит машину. Она никогда не попадала в аварии. Наверное, виноват другой водитель, – Том заметил, что лицо полицейского оставалось непроницаемым. О чем тот умалчивает?

– Водителя «Хонды» опознать не удалось, – сказал Флеминг.

– Она забыла сумочку. И телефон, – Том потер лицо, пытаясь взять себя в руки.

Флеминг склонил голову набок.

– Мистер Крапп, у вас с женой все хорошо?

Том посмотрел на него с тревогой.

– Да, конечно.

– Вы, случаем, не поссорились?

– Нет! Меня даже дома не было.

Полицейский сел в кресло напротив Тома и наклонился к нему.

– Исходя из обстоятельств… в общем, есть небольшая вероятность, что женщина, которая вела машину и попала в аварию, не ваша жена.

– Что? – вскинулся Том. – Почему? Что это значит?

– Поскольку нам не удалось опознать водителя, мы не можем утверждать наверняка, что это ваша жена была за рулем, но мы знаем, что машина принадлежит ей.

Том уставился на него, потеряв дар речи.

– Авария произошла в южной части города, на перекрестке Проспекта и Дэвис-Драйв, – со значением произнес Флеминг.

– Не может быть, – ответил Том. Это плохой район. Карен ни за что бы туда не поехала и при свете дня, не говоря уж о том, чтобы затемно.

– Вам известна какая-нибудь причина, по которой ваша жена Карен могла ехать с превышением скорости и на красный свет в том районе?

– Что? Что вы такое говорите? – Том посмотрел на полицейского, не веря своим ушам. – Карен не могла быть там! И она никогда не превышает скорость, она никогда бы не поехала на красный свет! – он осел на диване. Том почувствовал облегчение. – Это не моя жена, – уверенно сказал он. Том знает свою жену, она никогда бы такого не сделала. Он непроизвольно улыбнулся. – Это кто-то другой. Наверное, кто-то украл ее машину. Слава богу!

Он посмотрел на полицейского, наблюдавшего за ним с участием. А потом до него дошел смысл собственных слов, и паника мгновенно вернулась.

– Но где тогда моя жена?

Глава 3

– Мне нужно, чтобы вы поехали со мной в больницу, – сказал Флеминг.

Тому сложно сосредоточиться на происходящем. Он посмотрел на полицейского.

– Простите, что вы сказали?

– Нужно, чтобы вы сейчас поехали в больницу. Мы должны провести опознание. Выяснить, ваша ли это жена. И если это не она, нужно ее найти, – ответил Флеминг и добавил: – Вы сказали, что позвонили в «911». Ее нет дома, и ее машина попала в ДТП.

Теперь Том понял и поспешно закивал:

– Да.

Трясущимися руками он быстро взял бумажник и ключи, вышел вслед за полицейским на улицу и сел на заднее сидение припаркованной там черно-белой машины. Интересно, смотрят ли соседи? Том на секунду представил, как все это выглядит: он на заднем сиденье полицейской машины.

Через отделение неотложки «Больницы милосердия» Том с Флемингом вошли в шумный переполненный холл. Том принялся нервно мерить шагами гладкий отполированный пол, пока Флеминг пытался найти кого-нибудь, кто сообщил бы, где жертва аварии. Ожидание усиливало тревогу Тома. Почти все места в холле были заняты, в коридоре выстроились каталки с пациентами. То и дело заходили полицейские и врачи скорой помощи. Больничный персонал невозмутимо работал за стеклянной перегородкой. На больших свисающих с потолка экранах показывали притупляющие сознание ролики об охране здоровья.

Том не знал, на что надеяться. Он не хотел, чтобы раненой оказалась Карен. Она ведь могла серьезно пострадать. Мысль об этом была невыносима. Но с другой стороны, не знать, где она, опасаться худшего… Что, черт возьми, случилось? Где она?!

Наконец Флеминг помахал ему, подзывая с противоположной стороны переполненного зала. Том торопливо подошел. Рядом с Флемингом стояла измученная медсестра. Взглянув на Тома, а потом снова на полицейского, она мягко сказала:

– Прошу прощения. Ей сейчас делают МРТ. Придется подождать. Это не займет много времени.

– Нам нужно ее опознать, – возразил Флеминг.

– Я не буду прерывать МРТ, – твердо ответила медсестра. Потом с сочувствием посмотрела на Тома и добавила: – А знаете что, у меня есть одежда и личные вещи, которые были на ней, когда ее привезли. Могу показать, если хотите.

– Это бы нам помогло, – ответил, покосившись на Тома, Флеминг. Том кивнул.

– Идите за мной, – она повела их по длинному коридору к запертой комнате, которую открыла ключом. Порывшись в переполненных ящиках, достала пластиковый мешок с биркой и положила его на металлический стол. Содержимое мешка мгновенно приковало взгляд Тома. Внутри была блузка с узором, который он тут же узнал. На него накатила волна тошноты. Утром, когда он уходил на работу, Карен была в этой блузке.

– Мне нужно сесть, – сказал Том и сглотнул.

Флеминг выдвинул стул, и Том грузно опустился на него, не сводя глаз с прозрачного мешка, в котором лежали вещи его жены. Медсестра, надев латексные перчатки, аккуратно выложила все на стол: узорчатую блузку, джинсы, кроссовки. Блузка и джинсы были заляпаны кровью. Тома чуть не вырвало, но он сдержался. Лифчик жены и трусы, такие же окровавленные. В отдельном пакетике – обручальное и помолвочное кольца и золотая цепочка с бриллиантовым кулоном, которую он подарил ей на первую годовщину свадьбы.

Подняв недоверчивый взгляд на полицейского, Том ломающимся голосом промолвил:

– Ее.

Флеминг вернулся в участок и почти сразу встретился в столовой с Кёртоном. Они взяли кофе и сели за свободный столик.

– Значит, машина не украдена, – начал Кёртон. – Дамочка гнала на собственной. Какого черта?

– Понятия не имею.

– Наверное, обдолбалась.

Флеминг отпил кофе:

– Муж в шоке. Когда он услышал об аварии и о том, как она случилась, не поверил, что это его жена. Почти убедил меня, что это кто-то другой, – Флеминг покачал головой. – Он прямо онемел, когда увидел ее одежду.

– Да сколько домохозяек подсаживаются на наркотики, а мужья и знать не знают, – сказал Кёртон. – Может, поэтому она и была в той части города: кайфанулась в машине, а потом запаниковала.

– Может быть, – Флеминг помолчал и сделал еще глоток. – Никогда не знаешь, на что способны люди.

Ему было жаль мужа, который выглядел так, будто ему дали под дых. Флеминг многое повидал на службе и знал, что люди, от которых меньше всего ожидаешь, порой скрывают серьезную наркотическую зависимость. И стараются выглядеть нормальными, чтобы сохранить свои привычки. У многих есть неприятные секреты. Флеминг пожал плечами:

– Возможно, когда нас к ней пустят, она расскажет, что на нее нашло, – последним глотком он допил кофе. – Уверен, муж тоже не против узнать.

Все еще в неотложке, Том нервно ходил взад-вперед. Пытался вспомнить, не было ли в последнее время чего необычного в поведении жены. Ничего не приходило на ум, но ведь он был так занят на работе. Неужели чего-то не заметил?

Что она, черт возьми, делала в том районе? Да еще и скорость превысила! То, что рассказал о сегодняшнем вечере коп, будто совсем не про нее, Том не мог в это поверить. И все же… это ведь она там, у докторов. Как только его пустят поговорить с ней, он спросит. Сразу после того как скажет жене, как сильно ее любит.

Он не может перестать думать, что если бы пришел домой раньше, как должен был, вместо того, чтобы…

– Том!

Услышав свое имя, Том обернулся. Едва приехав в больницу, он сразу позвонил своему брату Дэну, и теперь тот шел к нем. Его мальчишечье лицо выражало беспокойство. Никогда в жизни Том не был так благодарен чьему-либо появлению.

– Дэн, – выдохнул он с облегчением.

Братья коротко обнялись и сели друг против друга на твердые пластиковые стулья в стороне от людей. Том рассказал, что случилось. Непривычно было искать поддержки у младшего брата: обычно все происходило наоборот.

– Том Крапп, – долетел до них сквозь общий бедлам громкий окрик.

Том поспешил к человеку в белом халате, Дэн – за ним.

– Я Том Крапп, – нервно произнес Том.

– Я доктор Фултон. Лечащий врач вашей жены, – представился доктор тоном скорее будничным, нежели дружелюбным. – Она получила травму головы во время аварии. Мы сделали МРТ. У нее сотрясение мозга, но, к счастью, без кровоизлияния в мозг. Ей очень повезло. Остальные повреждения незначительные. Сломанный нос. Порезы и синяки. Но она поправится.

– Слава богу, – произнес Том и сгорбился в облегчении. Со слезами на глазах посмотрел на брата. Только сейчас он понял, как тяжело ему было держать себя в руках.

Доктор кивнул:

– Ремень и подушка безопасности спасли ей жизнь. Какое-то время ей будет очень больно, голова будет раскалываться, но постепенно все придет в норму. Ей нужен покой. Медсестра расскажет вам, как ухаживать за больным с

сотрясением.

Том кивнул:

– Когда мне можно ее увидеть?

– Сейчас, – ответил доктор. – Пока что только вам и ненадолго. Мы перевезли ее на четвертый этаж.

– Я подожду здесь, – сказал Дэн.

При мысли о том, что сейчас он увидит Карен, Том снова почувствовал тревогу.

Глава 4

Карен не может шевельнуться. Она то теряет сознание, то снова приходит в себя. Стонет от нарастающей боли.

Открыть глаза ей стоит колоссальных усилий. Из руки торчат трубки. Она слегка приподнимается и обнаруживает по обеим сторонам кровати металлические поручни. Постельное белье белое, казенное. Она тут же понимает, что лежит в больничной кровати, и это наполняет ее тревогой. Слегка поворачивает голову, та пульсирует от боли. Карен морщится – комната начинает вертеться перед глазами. В ее расплывающееся поле зрения входит женщина, явно медсестра, и застывает в нерешительности.

Карен пытается сфокусировать взгляд, но не может. Пробует заговорить, но губы не шевелятся. Тело кажется свинцовым, словно что-то тяжелое придавливает ее. Она моргает. Теперь медсестры две. Нет, одна, она просто раздвоилась.

– Вы попали в аварию, – тихо говорит медсестра. – Ваш муж снаружи. Я позову его. Он будет счастлив вас увидеть, – и с этими словами выходит из палаты.

«Том», – с благодарностью думает Карен. Неуклюже проходится языком по губам и деснам. Ей так хочется пить. Нужна вода. Как долго она уже здесь и как долго ей еще лежать в неподвижности? У нее болит все тело, но сильнее всего голова.

Медсестра провела Тома в палату с таким видом, словно принесла подарок. Зрение Карен постепенно становилось четче. Она видела тревогу и усталость на лице Тома, небритые щеки, как будто он провел ночь на ногах. Но под его взглядом она почувствовала себя в безопасности. Ей хотелось улыбнуться ему, но не получалось.

Он нагнулся, с любовью глядя на жену.

– Карен, – прошептал он, беря ее за руку. – Слава богу, ты в порядке.

Она попыталась ответить, но не смогла издать ничего, кроме хриплого всхлипа. Медсестра быстро поднесла к ее рту пластиковый стакан воды с соломинкой. Карен жадно втягивала воду. Когда она закончила, медсестра убрала стакан.

– Все в порядке, – сказал муж. В знакомом жесте, словно хотел откинуть ей со лба волосы, он поднял руку, но вдруг замер и неуклюже уронил ее. – Ты попала в аварию. Но все будет хорошо. Я здесь, – он пристально посмотрел ей в глаза. – Я люблю тебя, Карен.

Она попыталась приподнять голову, совсем немножко, но почувствовала жгучую боль, головокружение и тошноту. Затем услышала, как в крошечную палату зашел кто-то еще. Другой человек, выше ее мужа, худой, бледный, почти как мертвец, в белом халате и со стетоскопом, подошел к кровати и посмотрел на нее будто с большой высоты. Муж выпустил ее руку и отошел, уступая место новоприбывшему.

Доктор наклонился и посветил фонариком ей в глаза, сначала в один, потом в другой. На его лице отразилось удовлетворение, и он убрал фонарик в карман.

– У вас сотрясение мозга, – сказал он. – Но вы поправитесь.

Карен наконец обрела голос. Она посмотрела на взъерошенного, измученного тревогой человека возле доктора в белом халате и прошептала:

– Том.

При взгляде на жену у Тома разрывалось сердце. Они были женаты всего два года. Эти губы он целовал каждый вечер и каждое утро. Ее руки так же знакомы ему, как свои собственные. А теперь ее прекрасные голубые глаза в окружении всех этих синяков были полны боли.

– Карен, – прошептал он. Наклонился к ней и спросил: – Что случилось?

Она посмотрела на него пустым взглядом.

Но Тому нужно было знать, поэтому он не отступил. В голосе появилась настойчивость:

– Почему ты так поспешно уехала из дома? Куда ты поехала?

Она попыталась было покачать головой, но остановилась и на мгновение закрыла глаза. Открыла их снова и с трудом прошептала:

– Не знаю.

Том посмотрел на нее в ужасе.

– Ты должна знать. Ты попала в аварию. Превысила скорость и врезалась в столб.

– Я не помню, – сказала она так медленно, словно ей требовалась вся оставшаяся у нее энергия, чтобы это произнести. Глаза, обращенные к нему, казались встревоженными.

– Это важно, – почти в отчаянии сказал Том, наклоняясь ближе. Она отодвинулась, погружаясь в подушки.

Вмешался доктор:

– Надо дать ей отдохнуть, – произнес он. Что-то тихо сказал медсестре, потом жестом велел Тому следовать за ним.

Бросив последний взгляд на жену в больничной кровати, Том вышел за доктором из палаты. Наверное, это из-за сотрясения, подумал он с беспокойством. Возможно, все хуже, чем они думали.

Полный тревожных мыслей, Том шел за доктором Фултоном по коридору. Вокруг царила неестественная тишина, и Том вспомнил, что уже глубокая ночь. Доктор отвел его в пустую комнату за кабинетом медсестер.

– Присаживайтесь, – сказал он и сам сел на свободный стул.

– Почему она не помнит, что случилось? – лихорадочно спросил Том.

– Садитесь, – твердо повторил доктор Фултон. – Постарайтесь успокоиться.

– Хорошо, – сказал Том, садясь на единственный оставшийся в тесной комнатке стул. Но успокоиться ему сложно.

Доктор сказал:

– Бывает, что пациенты с травмой головы страдают от временной ретроградной амнезии.

– Что это значит?

– Иногда пациент, который перенес физическую травму головы или даже эмоциональную травму, на время теряет воспоминания, предшествующие травмирующему событию. Потеря памяти может быть легкой, а может и катастрофической. При ударе головой мы чаще сталкиваемся с другим видом амнезии – нарушением кратковременной памяти о событиях после травмы. Вы, скорее всего, с этим тоже столкнетесь. Но иногда случается ретроградная амнезия, более обширная. Думаю, это наш случай.

Доктор казался не слишком обеспокоенным. Том попытался убедить себя, что это хороший знак.

– Но к ней вернется память?

– О, я в этом не сомневаюсь, – ответил доктор. – Просто наберитесь терпения.

– Мы можем что-нибудь сделать, чтобы она быстрее вспомнила? – Тому отчаянно нужно было знать, что случилось с Карен.

– Да нет. Главное – покой. Мозг должен исцелить себя. Для этого нужно время.

У доктора завибрировал пейджер, он взглянул на него, извинился и оставил Тома наедине с неизвестностью.

Глава 5

Утро. Бриджит Крукшенк, близкая подруга Карен из дома напротив, сидит с вязанием на коленях в коридоре четвертого этажа «Больницы милосердия», и мягкая желтая пряжа медленно тянется из сумки у нее под ногами. Коридор находится рядом с лифтами и полон света из больших окон, выходящих на заставленную машинами парковку. Бриджит вяжет детский свитер, но все время пропускает петли и злится на него, хотя понимает, что свитер тут ни при чем.

Со стороны лифтов появляется Том, высокий и угловатый, в джинсах и однотонной футболке, с растрепанными волосами. При виде нее он как будто теряется. Возможно, он не слишком-то рад ее присутствию. Ее это не удивляет. Возможно, он хочет побыть с Карен наедине. Некоторые люди такие.

Но ей нужно знать, что происходит, поэтому она, поймав его взгляд, не отводит глаз все время, пока Том медленно приближается к ней.

Она смотрит на него участливо:

– Том. Я так рада тебя видеть. Пыталась дозвониться. Мне так жаль, что…

– Да, – перебил Том. Сел рядом, наклонился и уперся локтями в колени. Вид у него ужасный, будто он не спал сутки. Наверное, так оно и есть.

– Я так беспокоилась, – сказала Бриджит. Вчера вечером Том звонил ей дважды: сначала – чтобы спросить, не знает ли она, где Карен, потом из больницы – сказать, что Карен попала в аварию. Но звонок был коротким, Том почти сразу отключился, не сообщив никаких подробностей. И теперь она непременно хочет все знать. Услышать всю историю. – Расскажи мне, что случилось.

Он уставился прямо перед собой, не глядя на Бриджит.

– Она врезалась в столб.

– Что?

Том медленно, словно превозмогая усталость, кивнул.

– Полицейский сказал, что она превысила скорость, ехала на красный свет. И каким-то образом врезалась в столб.

С минуту Бриджит пристально его разглядывала, потом спросила:

– А что она сама говорит?

Теперь Том посмотрел на нее, и она увидела беспомощность в его глазах.

– Говорит, что не помнит. Ни аварии, ни того, что было до этого, – ответил Том. – Говорит, что вообще ничего не помнит о вчерашнем вечере.

– Серьезно?

– Да, – ответил Том. – Доктор сказал, что с ее травмой это нормально.

Бриджит перевела взгляд с него на свое вязание.

– И что, к ней вернется память? – спросила она.

– Они думают, что да. Надеюсь, что да. Потому что я, черт возьми, хочу выяснить, что она делала, – он поколебался, словно не зная, стоит ли рассказывать ей что-то еще. Потом добавил: – Она уехала без сумочки и забыла запереть дверь. Как будто спешила.

– Это странно, – согласилась Бриджит. Мгновение помолчала. Потом сказала: – Уверена, все будет в порядке, – это прозвучало фальшиво. Но Том, кажется, не заметил.

Он тяжело вздохнул и произнес:

– Мне еще с полицией разбираться.

– С полицией? – быстро переспросила Бриджит, снова вскидывая на него взгляд.

– Они расследуют аварию. Скорее всего, ей предъявят какое-нибудь обвинение.

– О, – Бриджит отложила вязание. – Том, мне так жаль. Тебе и без того тяжело, правда?

– Правда.

Ее голос смягчился:

– Если тебе нужна поддержка, ты ведь знаешь, что я рядом, да? Для вас обоих.

– Конечно, – ответил он. – Спасибо, – он встал. – Я схожу за кофе. Тебе принести?

Она покачала головой.

– Нет, спасибо, не нужно. Ты скажешь Карен, что я пришла?

– Конечно. Но, возможно, ты зря тратишь свое время. Не думаю, что она сегодня в состоянии кого-нибудь видеть. Ее пичкают сильным обезболивающим. Поэтому она немного не в себе. Может быть, тебе лучше пойти домой.

– Подожду еще немножко. Вдруг она почувствует себя лучше, – ответила Бриджит и снова взялась за вязание. Но едва Том отвернулся и пошел к лифтам, она подняла взгляд и стала смотреть ему вслед. Ей не верилось, что Карен не захочет ее увидеть, хотя бы на минуту. Она ненадолго. Когда Том скрылся в лифте и она услышала, что двери закрылись, Бриджит подхватила вещи и направилась к палате 421.

Карен беспокойно возит ногами под белым одеялом. Сидит, опершись на подушки. Сегодня утром ей лучше, думать и говорить легче. Интересно, как долго ее здесь продержат?

Раздался легкий стук в приоткрытую дверь, и она слабо улыбнулась.

– Бриджит, – позвала она. – Заходи.

– Можно? – тихо спросила Бриджит, приближаясь к кровати. – Том сказал, что ты, наверное, не захочешь меня видеть.

– С чего бы Тому такое говорить? Конечно, я рада тебя видеть. Проходи, садись, – она слабо похлопала по кровати.

– Боже, сколько цветов, – сказала Бриджит.

– Это все от Тома, – ответила Карен. – Он заваливает меня розами.

– Ясно, – сказала Бриджит, присаживаясь на краешек кровати. Внимательно посмотрела на Карен. – Выглядишь ужасно.

– Правда? – откликнулась Карен. – Меня не подпускают к зеркалу. Чувствую себя Франкенкарен, – пошутила она в попытке заглушить страх, который не отпускал ее с того самого момента, как она услышала, что попала в аварию – аварию, о которой ничего не помнит.

Карен благодарна Бриджит, своей лучшей подруге, за то, что та пришла. Это принесло облегчение и отвлекло от поглотившего ее беспокойства. Дало ощущение нормальности, когда вокруг не осталось ничего нормального.

Она не помнит, что случилось вчера. Но знает, что это было ужасно и что она до сих пор в опасности. Неведение сводит с ума. Она не понимает, что делать.

– Слава богу, с тобой все будет хорошо, Карен. Я так волновалась.

– Знаю. Прости.

– Не извиняйся. Ты попала в аварию. Это не твоя вина.

Карен было интересно, что знает Бриджит, много ли рассказал ей Том. Наверное, немного. Тому никогда не нравилась Бриджит, хотя Карен понятия не имела, почему. Видимо, просто не сошлись характерами. Временами это порождало неловкость.

– Все так ужасно, Бриджит, – неуверенно начала Карен. – Я не помню, что случилось. Том сказал, я нарушила правила, гнала, он все время спрашивает…

В этот самый миг Том зашел в палату с двумя пластиковыми стаканчиками кофе в руках. От глаз Карен не укрылось, как он подавил раздражение при виде сидевшей на кровати Бриджит. Температура в палате стала на пару градусов ниже. Том передал Карен кофе.

– Привет, Бриджит, – сказал он небрежно.

– Привет, – ответила Бриджит, коротко взглянув на него. Потом повернулась к Карен. – Я просто хотела увидеть тебя своими глазами, убедиться, что у тебя все в порядке, – сказала она, поднимаясь. – Теперь я пойду, оставлю вас вдвоем.

– Не обязательно уходить, – запротестовала Карен.

– Тебе нужно отдыхать, – ответила Бриджит. – Я вернусь завтра, хорошо? – улыбнувшись Тому, она выскользнула из палаты.

Карен спросила, нахмурившись:

– За что ты ее так невзлюбил?

– Я ее не невзлюбил.

– Правда? Ты явно не обрадовался тому, что она здесь.

– Я просто тебя оберегаю, – запротестовал Том. – Ты знаешь, что сказал доктор. Тебе нужен покой.

Карен посмотрела на него поверх стаканчика с кофе, не до конца веря его словам.

Когда Том ушел домой отдохнуть, вернулся доктор Фултон. Карен вспомнила, что видела его вчера.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

Его голос звучал тихо, и она почувствовала благодарность. К вечеру голова разболелась сильнее.

– Не знаю. Вы мне скажите, – ответила она осторожно.

Он улыбнулся ей профессиональной улыбкой.

– Думаю, все будет в порядке. Если не считать сотрясения, вы отделались легкими повреждениями, – он, как обычно, посветил ей в глаза фонариком и тихо продолжил. – Единственное, что меня беспокоит, это то, что вы ничего не помните об аварии, но такое случается. Скорее всего, память через какое-то время вернется.

– Значит, вы с таким уже сталкивались, – медленно произнесла она, – что люди теряют память?

– Да.

– И она всегда возвращается?

– Нет, не всегда, – он пощупал ей пульс.

– Но обычно?

– Да.

– Как быстро? – с беспокойством спросила она. Ей нужно поскорее. Она должна выяснить, что произошло.

– Когда как. Иногда через несколько дней, иногда – недель. У всех по-разному, – он глянул в медицинскую карту и спросил: – Болит?

– Терпимо.

Он кивнул.

– Будет легче. Мы подержим вас здесь для наблюдения еще день-два. Когда вернетесь домой, вам какое-то время нельзя будет напрягаться. Я выпишу рецепт, купите лекарства в нашей аптеке. И проинструктирую вашего мужа, как ухаживать за больными с сотрясением.

– Я могу что-нибудь сделать, чтобы память вернулась быстрее? – спросила она.

– Да нет, – он улыбнулся ей. – Просто наберитесь терпения, – и с этими словами оставил ее наедине со жгучей болью.

Потом пришла медсестра, спокойная и дружелюбная, словно все в порядке. Но все не в порядке.

– Можно мне зеркало? – спросила Карен.

– Конечно, сейчас принесу, – ответила медсестра.

Она вернулась с ручным зеркальцем.

– Пусть вас не пугает то, что вы увидите, – предупредила она. – Есть поверхностные повреждения, но они пройдут. Все не так плохо, как выглядит.

Карен с трепетом взяла зеркальце. Она едва узнала себя: настолько исказили ее лицо с тонкими чертами и хорошей кожей багровые синяки и отеки. Но больше всего ее встревожил собственный испуганный, растерянный взгляд. Она молча отдала зеркало медсестре.

Поздно вечером двое подростков, держась за руки, возвращались домой из кинотеатра. Путь был неблизкий, но ночь прекрасна, и им некуда пойти, чтобы побыть вдвоем. Наконец он прижал ее к стене в темноте позади торгового центра и поцеловал. Он был старше, поэтому не торопился – совсем не то что мальчишки, которые спешат, суетятся и понятия не имеют, что делать. Она поцеловала его в ответ.

Со стороны мусорных баков послышался грохот, и они отскочили друг от друга. На них смотрел человек, вынесший из ресторана мусор. Кавалер обнял девушку оберегающим жестом.

– Пойдем, – сказал он. – Я знаю одно место.

Ее тело дрожало в предвкушении. Она готова целовать его вечность. Ей хочется остаться с ним наедине, но… Она остановилась.

– Куда мы идем?

– Туда, где нас не увидят, – он обнял ее крепче. – Если ты хочешь, – снова поцеловал. – А если нет, я провожу тебя домой.

В эту минуту она последовала бы за ним куда угодно. Она дала ему руку и перешла через дорогу, едва замечая, куда ее ведут. Все внимание поглощено его рукой в ее руке и ее желаниями. Они подошли к какой-то двери. Он толчком открыл дверь. Посмотрел на нее, склонив голову.

– Заходи. Все в порядке. Тут никого.

Она переступила порог и тут же оказалась в его объятиях. Он снова поцеловал ее, но ее отвлек какой-то запах. Она отстранилась, и теперь он тоже заметил. Они увидели это одновременно. Распростертое на полу окровавленное тело.

Она закричала. Он мягко зажал ей рот.

– Тссс, нас услышат!

Она замолкла и в ужасе уставилась на человека на полу. Парень отнял ладонь от ее рта, и она прошептала:

– Он мертвый?

– Скорее всего, – он приблизился к телу, рассматривая его. Она не осмелилась подойти. Побоялась, что стошнит.

Развернувшись, она выбежала вон и остановилась, глотая ртом воздух, только на улице. Он вышел за ней. Она подняла на него испуганный взгляд.

– Нужно позвонить в полицию, – ей совсем не хотелось этого делать. Ведь она сказала маме, что пошла к подруге.

– Нет, – ответил он. – Пусть кто-нибудь другой найдет и позвонит в полицию. Это не обязательно должны быть мы.

Она знала, чего он боится. Ей всего пятнадцать. А ему восемнадцать.

– Слушай, – сказал он настойчиво. – Если бы тот чувак был еще жив, тогда другое дело, но сейчас мы ничего не можем для него сделать. Пошли отсюда. Кто-нибудь другой его найдет.

Она подумала, что он неправ, но все равно почувствовала облегчение. Кивнула. Ей просто хотелось вернуться домой.

Глава 6

Как и каждое утро, Бриджит сидит в любимом кресле в гостиной и смотрит в огромное окно. Она живет прямо напротив дома Тома и Карен. Бриджит ждет у окна с чашечкой кофе, чтобы посмотреть, как Том поедет в больницу.

В гостиную заходит муж Бриджит, Боб, попрощаться перед уходом на работу.

– Я сегодня задержусь, – говорит он. – Возможно, не успею к ужину. Перекушу где-нибудь.

Бриджит не отвечает: слишком глубоко задумалась.

– Бриджит? – окликает он.

– Что? – говорит она, поворачиваясь к нему.

– Я сказал, что задержусь. У нас сегодня прощание.

– Ладно, – отвечает она рассеянно.

– А ты чем займешься?

– Поеду в больницу навестить Карен.

Возможно, сегодня у них получится провести больше времени вместе.

– Хорошо, хорошо, – ответил Боб. Он неуверенно топчется на пороге, потом уходит.

Бриджит знает, что муж беспокоится о ней.

На самом деле его не интересует, чем она займется. Он просто считает, что ей вредно сидеть без дела. Что его действительно волнует, так это не пропускает ли она сеансы. Поэтому она говорит, что не пропускает.

Случай с самого начала показался Флемингу странным: порядочная домохозяйка попадает в аварию в неблагополучном районе, при этом ее поведение нельзя объяснить ни алкогольным опьянением, ни наркотиками. А теперь доктор говорит ему, что у нее амнезия.

«Да вы издеваетесь», – подумал Флеминг.

– Как удобно, – сказал Кёртон. Они стояли у палаты Карен Крапп. Флеминг поднял руку, не давая доктору пройти.

– А она не притворяется? – спросил он тихо.

Доктор Фултон посмотрел на него с удивлением, как будто такая мысль не приходила ему в голову.

– Сомневаюсь, – медленно ответил он. – У нее сотрясение мозга.

Флеминг задумчиво кивнул. Втроем они зашли в маленькую отдельную палату. Муж Карен Крапп уже занял единственный стул. В палате сразу стало тесно. Карен, помятая и потрепанная, подняла настороженный взгляд.

– Миссис Крапп, – начал Флеминг, – я лейтенант Флеминг, а это – сержант Кёртон. Мы надеемся, что вы сможете ответить на некоторые наши вопросы.

Она выпрямилась, прислонившись к подушкам. Том Крапп нервно поерзал.

– Да, конечно, – ответила она. – Но… не знаю, сказал ли вам доктор, но я ничего не помню об аварии, – она обреченно нахмурилась.

– Вам рассказали, что случилось? – спросил Кёртон.

Она неуверенно кивнула.

– Да, но я ничего из этого не помню.

– Очень жаль, – сказал Флеминг. Он видел, что их присутствие ее нервирует, хотя она и пытается это скрыть. Он продолжил. – Авария произошла на перекрестке Проспекта и Дэвис-Драйв, в южной части города, – он остановился. Она ответила ему нервным взглядом, но промолчала. – Вы живете на севере. Как вы думаете, почему вы оказались в том районе?

Она покачала головой, слегка морщась от боли.

– Я… я не знаю.

– Можете предположить? – спросил он мягко. Когда она не ответила, он продолжил. – Этот район славится наркотиками и криминалом. Не место для домохозяйки из пригорода.

Она беспомощно пожала плечами и тихо ответила:

– Простите.

Муж потянулся к ней и сжал ее руку.

Флеминг передал Карен лист бумаги.

– Что это? – нервно спросила она.

– К сожалению, протокол о неосторожном вождении, в штате Нью-Йорк это – серьезное правонарушение.

Она подняла на него взгляд и закусила губу.

– Мне нужен адвокат? – неуверенно спросила она.

Флеминг ответил:

– Это хорошая идея. Неосторожная езда считается преступлением. Если вас признают виновной, у вас будет судимость и, возможно, вы сядете на какое-то время в тюрьму.

На ее лице читался шок. Том Крапп отвернулся, как будто борясь с тошнотой. Флеминг взглянул на Кёртона, и оба они, кивнув на прощание, удалились.

Доктор Фултон вышел вслед за Флемингом и Кёртоном. При всей суматохе, которой полна жизнь врача неотложки, у него нашлось время удивиться, как так получилось, что его пациентка гнала на красный свет в худшем районе города. Она кажется приятной женщиной. Образованная, интеллигентная – не тот типаж, от которого ожидаешь подобных выходок. Муж тоже явно ничего не понимает.

Доктор посмотрел вслед уходящим полицейским – две строгие черные фигуры в море синих медсестер. На мгновение он задумался, не позвать ли их обратно. Но момент был упущен, и они ушли.

Когда Карен Крапп две ночи назад привезли в больницу, она не понимала, где находится, то теряла сознание, то снова приходила в себя. Как будто даже не знала, кто она, не смогла назвать себя. И все повторяла что-то, как в лихорадке, – кажется, мужское имя. Фултон забыл, какое – та ночь выдалась сумасшедшей, – но точно не «Том». И это не дает ему покоя. Может быть, кто-нибудь из медсестер вспомнит.

Непохоже, что она притворяется, будто ничего не помнит. Фултон подозревает, что она хочет выяснить, что случилось той ночью, так же сильно, как и ее муж.

Вечером – прошло почти сорок восемь часов с момента аварии – Том вышел из больницы и направился к машине в дальнем конце стоянки. Сегодня Карен казалась расстроенной и рассеянной. Визит полицейских встревожил их обоих. Ему невыносима сама мысль о том, что у Карен будет судимость, что, возможно, она сядет в тюрьму, пусть ненадолго (он погуглил, какое наказание полагается за неосторожное вождение в штате Нью-Йорк). Он глубоко вздохнул. Возможно, судья проявит снисходительность. Том должен быть сильным, поэтому он попытался на время выбросить полицейских из головы.

По дороге домой Том думал о Карен, об их совместной жизни. Они были так счастливы, все шло так хорошо… А теперь это.

Они познакомились, когда она временно устроилась в компанию, где он работает бухгалтером. Между ними сразу вспыхнуло влечение. Он едва дождался, когда истечет ее контракт, чтобы пригласить на свидание. И все равно беспокоился, потому что раньше уже обжигался. Пообещал себе, что не будет торопиться, сначала узнает ее. И казалось, она хочет того же. Поначалу она была сдержанной. Он решил, что, возможно, она тоже обжигалась.

Но она совсем не походила на женщин, которых он знал. Не пыталась играть в игры. Манипулировать. Ничто в ее поведении не казалось тревожным звонком. Никогда.

Должна быть причина, почему она так поступила. Наверное, кто-то выманил ее из дома под ложным предлогом. Когда к ней вернется память, она все объяснит.

Том знал, что Карен напугана. Ему и самому было страшно.

Он поставил машину возле дома и тяжело поднялся по ступенькам. Оказавшись внутри, устало осмотрелся. В доме беспорядок. На кухне полно немытой посуды: в раковине, на столе. Он ел как попало в перерывах между поездками в больницу.

Нужно убраться. Нельзя, чтобы Карен вернулась и увидела беспорядок – ей будет неприятно. Он начал с гостиной: расставил все по местам, унес чашки на кухню. Пропылесосил ковер, протер с помощью чистящего средства для стекла и бумажных салфеток стеклянный кофейный столик. Потом принялся за кухню. Запустил посудомоечную машину, протер поверхности и наполнил раковину горячей водой со средством для мытья посуды, чтобы вручную помыть стеклянный кофейник. Поискал резиновые перчатки, которыми пользовалась Карен, но не смог найти. Опустил руки в горячую мыльную воду. Ему хочется, чтобы Карен, вернувшись домой, думала о выздоровлении, а не об уборке.

Карен в палате одна, когда доктор Фултон заглядывает к ней последний раз за день. Уже поздно, в больнице тихо, Карен почти засыпает. Доктор садится на свободный стул у кровати и нерешительно произносит:

– Я кое о чем хотел вам сказать.

Она заметила неуверенность в его взгляде и напряглась.

– Когда вас привезли, вы были не в себе, – начал он. – Бредили.

Сонливость улетучилась, ее охватила тревога.

– Повторяли чье-то имя. Помните?

Она застыла.

– Нет.

– Я забыл, но медсестра сказала, что вы звали какого-то Роберта. Это имя вам о чем-нибудь говорит? – он пытливо взглянул на нее.

Ее сердце пустилось вскачь.

Она медленно, поджав губы, словно глубоко задумавшись, покачала головой.

– Нет, – ответила она. – У меня нет таких знакомых.

– Хорошо, – сказал доктор Фултон, вставая. – Просто подумал, что стоит проверить.

– Вряд ли это имеет какое-то значение, – ответила Карен. Дождалась, когда доктор подойдет к двери, и в последнюю секунду добавила: – Думаю, не надо рассказывать об этом мужу.

Он повернулся и посмотрел на нее. Их взгляды на мгновение встретились. Потом он коротко кивнул и вышел из палаты.

Глава 7

На следующее утро Том, только-только выйдя из душа, услышал звонок в дверь. Он уже надел джинсы, футболку, расчесал влажные волосы. Собирался ехать в больницу – еще один отгул на работе. Только что поставил кофе.

Том понятия не имел, кто мог заявиться к нему в такую рань. Еще даже восьми нет. Прошлепав босиком до двери, он выглянул в окошко. За дверью – Флеминг.

При виде полицейского Том ощутил приступ раздражения. У него и так забот по горло, и он уже рассказал вчера копам все, что знает. Он больше ничем не может помочь. Почему бы Флемингу не убраться восвояси и не оставить их в покое до тех пор, пока к Карен не вернется память?

Но дверь он открыл, нельзя держать полицейского в форме за порогом.

– Доброе утро, – поприветствовал Флеминг.

Том уставился на него в ответ, не зная, как себя вести. Ему вспомнилось участие, с каким отнесся к нему Флеминг, когда в первый раз явился к ним в дом, чтобы рассказать об этой ужасной аварии.

– Можно войти? – наконец спросил коп. Он вежлив и деловит, совсем как в тот вечер. Весь его вид дышит невозмутимостью. Он не угрожает, а наоборот – как будто готов протянуть руку помощи.

Том кивнул и распахнул дверь пошире. В доме запахло кофе. Том решил, что будет вежливо угостить.

– Кофе? – спросил он.

– Да, пожалуйста, – ответил Флеминг. – Было бы чудесно.

Том направился в просторную кухню в глубине дома, полицейский последовал по деревянному полу за ним. Наливая кофе в кружки, Том чувствовал на себе взгляд Флеминга. Он повернулся, поставил кружки на стол, достал молоко и сахар.

Они сели за стол.

– Чем я могу вам помочь? – спросил Том. Ему было неловко, и у него не совсем получалось скрыть раздражение в голосе.

Флеминг добавил молока, сахара и задумчиво помешал кофе.

– Вы были там, когда мы говорили с вашей женой об аварии, – напомнил полицейский.

– Да.

– И вы понимаете, почему мы не можем не выдвинуть обвинение.

– Да, – резко ответил Том. Сделал глубокий вдох и искренне произнес. – Я просто рад, что больше никто не пострадал.

Повисла долгая тяжелая пауза, и Том подумал, что все могло бы обернуться намного хуже. Если бы Карен кого-нибудь сбила, их жизнь превратилась бы в сущий кошмар. От такого не оправишься. Том попытался убедить себя, что им еще повезло.

Неожиданно Тому захотелось излить душу. Он понятия не имел, почему говорит все это полицейскому – незнакомцу, – но не смог сдержаться.

– Она моя жена. Я люблю ее.

Коп посмотрел на него с сочувствием.

– Но у меня тоже есть вопросы, – отбросив осторожность, продолжил Том. – Те же самые, что и у вас. Какого черта она гнала, как сумасшедшая? Это не моя жена. Моя жена никогда так не поступает, – отодвинув стул, он встал. Отошел подлить себе кофе, пытаясь вернуть самоконтроль.

– Поэтому я и здесь, – ответил Флеминг, внимательно наблюдая за ним. – Пришел узнать, не вспомнилось ли вам что-нибудь, что могло бы пролить свет на обстоятельства аварии. Похоже, что не вспомнилось.

– Да, – Том мрачно уставился в пол.

Флеминг помедлил, прежде чем задать следующий вопрос.

– Как ваш брак? – тихо произнес он.

– Мой брак? – переспросил Том, смерив его колючим взглядом. Флеминг уже второй раз спрашивает об этом. – Почему вы интересуетесь?

– В тот вечер, когда она пропала, вы позвонили в «911».

– Потому что не знал, где она.

Флеминг с непроницаемым лицом произнес:

– Складывается ощущение, будто ваша жена убегала от кого-то или чего-то. Я вынужден спросить: не от вас ли?

– Что? Нет! Как вы могли предположить такое? Я люблю ее! – Том покачал головой. – Мы не так давно женаты – у нас скоро вторая годовщина. И мы очень счастливы, – он на мгновение замялся. – Мы подумывали завести детей.

И тут он осознал, что употребил прошедшее время.

– Хорошо, – подняв в знак примирения руки, сказал Флеминг. – Я должен был спросить.

– Конечно, – ответил Том. Ему захотелось, чтобы Флеминг ушел.

– Какой была ее жизнь до того, как вы встретились? Она когда-нибудь была замужем?

– Нет, – Том поставил кружку возле раковины и, повернувшись к Флемингу, скрестил руки на груди.

– У нее когда-нибудь были проблемы с законом?

– Конечно, нет, – уверенно ответил Том. Но даже ему ясно, что, учитывая нынешние обстоятельства, это не такой уж нелепый вопрос.

– А у вас?

– Нет, у меня тоже никогда не было проблем с законом. Не сомневаюсь, вы нас легко проверите. Я сертифицированный бухгалтер, она младший бухгалтер, в нас нет ничего примечательного.

– Интересно… – начал Флеминг, но запнулся, словно он не был уверен, стоит ли спрашивать.

– Что?

– Может ли быть такое, что она в опасности? – осторожно спросил полицейский.

– Что? – поразился Том.

– Как я уже сказал, она ехала так, будто убегала, будто была напугана. В спокойном состоянии люди так не ездят.

Том не нашелся с ответом. Он лишь глянул на Флеминга, закусив губу.

Склонив голову набок, Флеминг спросил:

– Хотите, я помогу вам обыскать дом?

Том смерил полицейского тревожным взглядом.

– Зачем?

– Может быть, мы найдем что-то, что могло бы пролить свет на…

Том застыл. Он не знал, что ответить. В своем нормальном состоянии, до того как все это случилось, он бы сказал: «Конечно, давайте проверим». Но теперь,

после аварии, он не знал, что двигало его женой, когда та выбежала из дома и разбила машину. Что если она что-то скрывает, чего не следует знать полиции?

Флеминг смотрел на него и ждал его реакции.

Бриджит пьет свой утренний кофе, сквозь окно на ковер падают косые лучи света. Боб уже ушел на работу, ускользнул, поцеловав ее на прощание в щеку. Отношения между ними давно разладились.

Большую часть времени он проводит на работе. Боб – владелец похоронного бюро «Крукшенк». Но даже когда он дома, он смотрит на нее так (когда думает, что она не видит), будто беспокоится, какие мысли у нее в голове, что она может выкинуть. На самом деле она его не волнует, говорит себе Бриджит. Жена перестала интересовать его уже давно. Теперь его заботит лишь то, как ее действия скажутся на нем.

Они об этом больше не говорят, но Бриджит знает, что их безуспешная попытка – полное фиаско – завести ребенка все изменила. Бездетность сделала ее угрюмой и депрессивной, и Боб отдалился от нее. Бриджит знает, что изменилась. Раньше она была веселой, даже немножко безрассудной. Считала, что ей все по силам. Но сейчас она чувствует себя старой, сломленной, менее привлекательной, хотя ей всего-то тридцать два.

Несколько минут назад, сразу после ухода Боба, Бриджит увидела, как подъехала машина с полицейским в форме. Интересно, зачем полиции Краппы? Том все еще дома. Его машина во дворе.

Последнее время Бриджит живет в основном в своих мыслях. Она знает, что пользы ей это не принесет, но ей неинтересно искать новую работу и «переосмысливать ожидания», к чему принуждает ее Боб. У нее полно времени, чтобы подумать. Она помнит, как Карен поселилась здесь. Том был холост, когда купил дом, – единственный холостяк в семейном районе. (Как же горько от этого Бриджит: ведь они с Бобом выбрали этот район, потому что считали его идеальным для детей – детей, которых у них никогда не будет). Потом Том стал встречаться с Карен. Когда они поженились, Карен сделала дом своим. Она очень быстро сделала дом своим. Перекрасила, изменила дизайн интерьера, садовый ландшафт. Бриджит наблюдала за преображением – у Карен, без

сомнения, хороший вкус.

С самого начала – еще до того как Том с Карен поженились – Бриджит задалась целью помочь Карен обжиться. Была настолько дружелюбной, насколько это вообще возможно. Поначалу Карен казалась сдержанной, но вскоре стала принимать дружбу, как будто изголодалась по женской компании. Что, скорее всего, так и было, ведь она переехала из другого штата и никого здесь не знала. Они все больше и больше времени проводили вместе. Казалось, Карен искренне ценит дружбу с Бриджит, хотя и не спешит откровенничать.

Бриджит узнала, что Карен временно работала в фирме Тома и теперь ищет постоянную работу. Это Бриджит достала ей место бухгалтера в похоронном бюро «Крукшенк». Именно Бриджит теперь следит, чтобы место осталось за Карен до тех пор, пока та не поправится. А пока что ее кто-то подменяет.

Никто не упрекнет Бриджит в том, что она плохой друг.

Глава 8

Том привез Карен домой ранним вечером. С аварии прошло три дня. Он ехал медленно, осторожно, избегая ям на дороге и стараясь резко не тормозить, а она смотрела в окно. Карен была благодарна ему за это. Искоса поглядывала на Тома. По тому, как муж стискивал зубы, она видела, что он напряжен, хотя и притворяется, что все в порядке.

Наконец они добрались до их улочки, Догвуд-Драйв, и Том поставил машину во дворе дома 24. Хорошо быть дома, а не лежать в больнице. Карен нравится, что вокруг деревья. Нет тесноты, как в новых, менее дорогих, районах, где дома плотно лепятся друг к другу и вместо лужайки – жалкая полоска травы. Карен нравится окружающий простор, зелень. Она гордится своим садом, где как раз расцвели большие розовые гортензии.

Они посидели в тишине, слушая, как остывает мотор. Том на мгновение накрыл ее руку своей. Потом она медленно вылезла из машины.

Зайдя в дом, Карен повернулась закрыть дверь как раз в тот момент, когда Том бросил ключи на столик. Она вздрогнула. От звонкого стука виски пронзила боль, в глазах поплыло. Она на мгновение зажмурилась и, покачнувшись, схватилась рукой за стену.

– Прости! Все хорошо? – виновато спросил Том. – Я не должен был так делать.

– Все хорошо, просто немножко кружится голова, – ответила она. Ей неприятны громкие звуки так же, как яркий свет и резкие движения. Ее мозгу и правда нужно время на восстановление. Минуту спустя она прошла в гостиную, находя успокоение в лаконичном бело-сером интерьере. Напротив строгого камина из полированного мрамора – со вкусом подобранный белый диван. У дивана – большой квадратный столик со стеклянной столешницей, на нижнем отделении – ее подборка журналов Elle Decor и Art&Antiques. Над камином – огромное зеркало, на каминной полке – их с Томом фотографии в рамке. Напротив дивана – одинаковые серые кресла с мягкими подушками приглушенных зеленых и розовых оттенков. Вся комната выглядит светлой, чистой, просторной и знакомой до мельчайших деталей. Как будто последних нескольких дней не существовало. Карен медленно подошла к гигантскому окну и выглянула на улицу. От домов на противоположной стороне веет умиротворением.

Наконец она развернулась и пошла за Томом на кухню.

– Я прибрался, – сказал он, улыбаясь.

Кухня сияла. Раковина, краны, поверхности, стальные приборы. Блестел даже темный деревянный пол.

– Какой ты молодец, – благодарно ответила она, улыбаясь в ответ. Выглянула сквозь стеклянную дверь на задний двор. Потом, почувствовав жажду, достала с полки стакан. Открыла кран, опустила взгляд на раковину и вдруг резко схватилась за край столешницы, чтобы не упасть.

– Пойду-ка я прилягу, – неожиданно заявила она.

– Конечно, – ответил Том. Взял у нее стакан и наполнил водой из-под крана.

Вслед за Томом Карен поднялась на второй этаж. Многооконная спальня тоже выглядит светлой и просторной. На ее прикроватном столике лежит роман, и еще больше книг – на полу возле кровати. Карен недавно взяла их в библиотеке; особенно она предвкушала, как примется за новую книгу Кейт Аткинсон, но теперь читать нельзя, пока не пройдет сотрясение. Наказ доктора. Том наблюдает за ней.

Она посмотрела на свой комод. На нем зеркальный поднос с духами. Рядом – шкатулка с украшениями. Ее каждодневные украшения снова на ней: помолвочное и обручальное кольца и кулон, который Том подарил на первую годовщину свадьбы.

В знакомом зеркале над комодом отразилось побитое и потрепанное лицо. Карен вспомнила, как ей было страшно. Каждый раз, когда возвращалась домой и замечала, что вещи не на своих местах, – едва заметные признаки того, что кто-то рылся в ее вещах. Это пугало ее. А Том ничего не знал.

Она столько скрывала от человека, которого любит. И теперь боится, что доктор Фултон расскажет Тому или полиции, о чем она бредила, когда ее привезли в неотложку. Если бы только она смогла вспомнить, что случилось тем вечером! Она чувствует себя слепой, пробирающейся на ощупь сквозь невидимые опасности.

Внезапно на нее накатила страшная усталость. Том успокаивающим голосом предложил:

– Давай ты отдохнешь, а я приготовлю ужин?

Карен кивнула. Ей не хочется готовить. Все, чего ей хочется, это свернуться в клубок под одеялом и спрятаться от мира.

Он осторожно сказал:

– Твои друзья спрашивали, когда можно тебя навестить.

– Я не готова никого видеть, если только это не Бриджит, – она благодарна Бриджит, но больше ей ни с кем не хочется встречаться: ей не нужны расспросы.

– Я так и сказал, но они все равно собираются зайти.

– Не сейчас.

Том кивнул.

– Уверен, они поймут. Это подождет. Тебе в любом случае нужен покой, – он заботливо посмотрел на нее. – Как ты себя чувствуешь?

«Я в ужасе», – хотелось ответить ей. Но вместо этого, слабо улыбнувшись, она сказала:

– Рада, что дома.

Том разжег гриль, замариновал стейк, наспех соорудил салат и достал чесночный хлеб. Какое облегчение, что Карен снова дома!

Но загадка до сих пор не решена. Авария и то, что ей предшествовало.

Он хочет доверять жене.

Утром тот полицейский, Флеминг, предложил обыскать дом. Том вспомнил, как растерялся, услышав это предложение. Первой его мыслью было: «Что он хочет найти?» А второй: «Вдруг он что-нибудь обнаружит? Что-то нехорошее?»

Он подглядывал из-за занавесок до тех пор, пока коп, бросив последний долгий взгляд на дом, не сел в машину и не уехал. Затем Том сделал две вещи. Во-первых, нашел через Интернет местного юриста по уголовным делам и записался на прием. Во-вторых, тщательно прочесал весь дом.

Это заняло у него добрую половину дня – с перерывом на визит к Карен в больницу. Дольше всего он осматривал кухню. Перебрал все коробки с хлопьями, пакеты с мукой, рисом и сахаром – все, что не было запечатано. Вытащил содержимое буфетов и тумбочек и осмотрел все ящички. Ощупал все темные места, чтобы проверить, нет ли там чего-нибудь незаметного. Заглянул на верхние полки шкафов, под ковры и матрасы, внутрь чемоданов и редко

надеваемой обуви. Спустился в подвал и, вдыхая затхлый воздух, подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Там почти ничего не обнаружилось: только комната со стиральной машиной и коробки с мусором. В основном они использовали подвал как склад. Том осмотрел каждый угол. Даже заглянул за трубы. Под конец он проверил гараж. На протяжении всего обыска его не покидало странное ощущение: ему не верилось, что все это происходит на самом деле, что он действительно это делает. «Какого черта? Что я пытаюсь найти?» Но он так ничего и не обнаружил, совсем ничего. Только почувствовал раздражение и стыд за самого себя.

И еще облегчение.

Закончив, он снова все убрал, как было, чтобы Карен ничего не заметила. Потом поехал забирать ее из больницы.

Когда стейк был готов, Том занес его в дом и побежал наверх сообщить Карен, что ужин подан.

Они сели за столом на кухне. Том предложил ей красного вина, но она мягко покачала головой.

– А, точно, – вспомнил он. – Никакого алкоголя, пока ты пьешь лекарства, я и забыл.

Он отставил вино и налил минералки.

Пока они ели, Том через стол разглядывал жену, смотрел на ее коротко остриженные каштановые волосы, косо падающую на лоб челку, кривоватую печальную полуулыбку на губах. Если бы не синяки, он почти поверил бы, что ничего не изменилось.

Что все совсем как прежде. Вот только ничего уже не так, как прежде.

На следующее утро Карен проснулась очень рано, еще до рассвета. Тихонько встала, накинула халат. Закрыв за собой дверь спальни, спустилась на кухню.

Она знала, что ей не заснуть. Поставила кофе и, скрестив руки, стала смотреть, как он варится, находя успокоение в знакомых звуках и запахах.

С рассветом легкий туман на заднем дворе рассеялся. Она долго стояла у стеклянной двери и смотрела во двор, изо всех сил пытаясь вспомнить. Так, будто от этого зависела ее жизнь.

Глава 9

– Эй, – Том тихо зашел на кухню и увидел Карен за столом с кружкой кофе. Похоже, что содержимое кружки давно остыло. Как давно она не спит?

Карен подняла взгляд.

– Доброе утро.

Взъерошенная, в халате она выглядела очаровательно. Том был так счастлив, что она здесь, что она есть в его жизни, после того страха, который испытал в вечер аварии, когда думал, что может ее потерять. Но счастье казалось хрупким, будто они идут по тонкому льду.

– Как спалось?

– Не очень, – призналась она. – Хочешь кофе?

– Да, пожалуйста.

Поднявшись, она поцеловала его в губы, в точности как раньше. Отстранилась, оставив его переводить дыхание. Налила ему кофе и принялась готовить завтрак.

– Нет, сядь. Я все сделаю, – твердо сказал ей Том. Включил тостер и стал разбивать яйца на сковородку. – Мне надо вернуться на работу, – сказал он извиняющимся тоном. – Я хотел бы остаться дома, с тобой, но столько дел

навалилось…

Она прервала его:

– Нет, все в порядке, правда. Все хорошо. Тебе не нужно постоянно за мной присматривать. Обещаю, что не буду напрягаться, – ободряюще улыбнулась она.

Тому, однако, нужно ей еще кое-что сказать, и от этой темы никак не уйти.

– И еще… – он запнулся и перевел взгляд со сковородки на жену.

– Что?

– Я записал нас на прием к адвокату, – от него не укрылось, как в ее взгляде на мгновение вспыхнул страх.

Она встревоженно закусила губу.

– Когда?

– Сегодня утром, в десять.

Она отвела взгляд.

– О. Так быстро?

– Это серьезное обвинение, Карен, – ответил он.

– Я знаю, не обязательно мне повторять, – огрызнулась она.

Неожиданно между ними возникло напряжение. Том хотел бы, чтобы им не нужно было идти к адвокату, чтобы этой аварии никогда не было, чтобы она не убегала из дома тем вечером – на миг его охватила злость на Карен за это, – но что сделано, того не воротишь, и теперь надо как-то выкручиваться. Он вдруг понял, что стискивает зубы, и постарался расслабиться. Держать свои чувства при себе.

Юридическая фирма находилась в высоком офисном здании недалеко от их дома. За короткий путь Карен не произнесла ни слова. Тому тоже нечего было сказать.

Уже припекало, но найти тень, чтобы оставить машину, не удалось. Было приятно оказаться в прохладном помещении, где работает кондиционер. Они поднялись на лифте на шестой этаж.

В приемной было пусто. Пока они ждали, Том исподтишка поглядывал на Карен. Она не разговаривала, не листала журналы, лежащие на столике. Просто напряженно сидела в кресле. Ждать пришлось недолго.

– Мистер и миссис Крапп, можете пройти, – пригласила секретарша, провела их к кабинету, открыла дверь и закрыла ее за ними.

Кабинет походил на сотни кабинетов других юристов – вроде офиса того адвоката по сделкам с недвижимостью, у которого Том купил дом на Догвуд-Драйв, до того как встретил Карен. На гигантском столе высились аккуратные стопки бумаг. Из-за стола поднялся сам адвокат, Джек Кельвин, мужчина лет сорока пяти на вид, с проседью в кудрявых волосах; он пожал им руки и жестом пригласил сесть.

– Чем могу помочь? – спросил он. В устремленном на них взгляде читалось любопытство. И острый ум. Том почти слышал, как он думает: «Что эта милая пара делает у меня в кабинете?»

– Я звонил вчера по поводу недавней аварии, в которую попала жена, и выдвинутых против нее обвинений, – пришлось сказать Тому, потому что Карен молчала. Кажется, пребывание в кабинете адвоката по уголовным делам действовало на нее угнетающе.

– Напомните, пожалуйста, – участливо ответил Кельвин. – У меня столько дорожных происшествий. Это мой хлеб. Особенно вождение в нетрезвом виде. Ваш случай? – он бросил на Карен быстрый оценивающий взгляд.

– Нет, – ответил Том и пустился в объяснения. – Там не было никакого опьянения. Но, к сожалению, она превысила скорость, и…

Кельвин прервал его:

– Простите, но не могла бы ваша жена сама рассказать, что с ней случилось?

Том взглянул на Карен, которая заметно напряглась. Адвокат смотрел на нее выжидающе. Когда ни Карен, ни Том ничего не ответили, он перевел взгляд с одной на другого и спросил:

– В чем дело?

– Я не помню аварии, – наконец заговорила Карен. – Вообще ничего, – и обреченно нахмурилась.

– Серьезно? – спросил Кельвин.

– Вообще ничего не помню о том вечере, – сказала она. – Просто белое пятно.

– Это правда, – подхватил Том. – У нее было сотрясение. Она только вчера вышла из больницы.

Кельвин посмотрел на них с изумлением.

– Вы серьезно? Или вы придумали это для защиты на суде? Если так, вам не нужно этого делать. Я ваш адвокат. Оставьте защиту мне.

– Мы ничего не придумали, – твердо ответил Том. – У нее амнезия. Но доктора считают, что это временно и память вернется, – он бросил взгляд на побледневшую Карен. На ее лице снова появилось это страдальческое выражение, которое теперь появлялось у нее после аварии и предвещало надвигающуюся головную боль.

– Ясно, – сказал Кельвин. Он с любопытством смотрел на Карен.

Том протянул адвокату протокол, который им дали полицейские. Тот быстро прочитал. Поднял взгляд.

– Довольно сомнительный район для женщины вроде вас, – сказал он, глядя на Карен.

Она замерла в кресле. Адвокат повернулся к Тому:

– Что ваша жена там делала?

Том ответил:

– Не знаю.

– Не знаете, – повторил адвокат. Смерил их обоих внимательным взглядом, как будто не знал, что и думать. Повисла долгая пауза. Наконец Кельвин сказал:

– Это все довольно серьезно. С неосторожным вождением не шутят, – он на мгновение задумался. – Вот что мы сделаем. Сейчас мы заключим договор. После этого я добьюсь, чтобы судебное заседание отложили до тех пор, пока ваша жена не вспомнит, что делала в том районе и почему нарушила правила. Возможно, была весомая причина или хотя бы смягчающее обстоятельство. А если не было, то об этом нам тоже нужно знать.

Том посмотрел на жену, но она уткнулась взглядом в колени. Он достал чековую книжку.

– Если вы что-нибудь вспомните, – сказал адвокат, обращаясь к Карен, – пожалуйста, запишите, чтобы не забыть до нашей следующей встречи, – и добавил: – И сразу позвоните мне.

Карен кивнула.

– Хорошо.

– Или… может быть, вы хотите встретиться без мужа?

Она бросила на Кельвина резкий взгляд. Покачала головой и сказала:

– Конечно, нет. У меня от мужа нет секретов.

Том осторожно посмотрел на нее. Она говорит правду?

Они договорились о гонораре и уже поднялись, чтобы уйти, когда Кельвин спросил Карен:

– У вас нет судимости?

Она повернулась и глядя ему прямо в глаза ответила:

– Нет.

Адвокат посмотрел на нее в ответ, и что-то в его оценивающем взгляде встревожило Тома. Он внезапно понял, что Кельвин не верит ей – ни единому ее слову.

По дороге домой воздух почти искрился от напряжения, вызванного оставшимися без ответа вопросами. Раньше Тому нравилось ездить с Карен; некоторые из его счастливейших воспоминаний были связаны с их поездками за город на выходных с кучей сумок на заднем сиденье и она смеялась, запрокинув голову…

Том почти испытал облегчение, когда зазвонил телефон. Он ответил. Потом с извиняющимся видом повернулся к жене.

– Мне нужно ненадолго съездить на работу.

– Да, конечно.

– Ты как?

– Голова болит, – она закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья.

Том высадил ее у дома. Наклонился поцеловать, прежде чем она вышла.

– Отдохни. Попробуй поспать. Я постараюсь вернуться пораньше.

Карен вылезла из машины, и, пока он выезжал со двора, махала ему, щурясь на солнце. Он помахал ей в ответ и поехал прочь, беспокойно гадая, что принесет им будущее. И какие еще секреты хранит жена.

Глава 10

Едва Том уехал, Карен развернулась и пошла в дом. Разговор с адвокатом подкосил ее: тот явно подумал, что она врет. Карен устало закрыла глаза и надавила пальцами на веки. Потом прошла на кухню, открыла холодильник и достала упаковку со льдом, которую ей дали в больнице. Лед помогал снять отеки. Карен приложила его ко лбу. Холод принес облегчение. С закрытыми глазами она села за стол и, прижимая упаковку со льдом к голове, стала медленно двигать ею, пытаясь унять пульсирующую боль.

День выдался жарким. Несмотря на кондиционер, пот струился под ее блузкой. Может быть, стоит увеличить мощность? Когда боль в голове слегка утихла, Карен открыла глаза. Посмотрела на столешницу, которую она заменила, когда переехала. Гладкая, блестящая, черная с вкраплениями серебра, она до сих пор нравилась Карен. Вот только сейчас у раковины стоял пустой стакан.

Она впилась в него взглядом, потом быстро осмотрела кухню, но все остальное было там, где и положено.

Когда они утром уходили, чтобы ехать к адвокату, стакана у раковины не было, в этом она уверена. Потому что прежде чем уйти они с Томом – в основном Том – убрались на кухне, сложили посуду в посудомоечную машину и протерли поверхности. Карен терпеть не может, когда оставляют грязную посуду. Она чистюля. И Карен точно помнила, что напоследок осмотрела кухню, прежде чем выйти за Томом на улицу, потому что возвращалась, чтобы проверить, заперта ли раздвижная стеклянная дверь. Она всегда проверяет, заперты ли двери, – поэтому ее так напугали слова Тома о том, что она забыла запереть дверь перед

аварией. И выключить свет. И не взяла сумочку. Если бы только она могла вспомнить!

Она осторожно взяла стакан, заглянула в него, поднесла к носу и принюхалась. Сейчас он был пуст, но она не сомневалась, что в нем была вода, – как будто кто-то зашел в дом и налил себе попить из-под крана, прежде чем вернуться на жару. В голове застучало, кухня поплыла перед глазами. Карен попыталась ухватиться за стойку и неловко выронила стакан. Он со звоном упал на пол и разбился.

Прерывисто дыша, сотрясаясь всем телом, она уставилась на осколки стекла под ногами. Резко рванула в гостиную и схватила телефон. Нажала на кнопку быстрого набора с номером Бриджит.

– Бриджит! – выдохнула она, когда та взяла трубку. – Можешь зайти? Срочно!

Она даже не пыталась унять охватившую ее панику. Ей просто хотелось, чтобы Бриджит оказалась рядом, прямо сейчас. Она не хотела оставаться одна.

– Конечно, сейчас буду, – ответила Бриджит.

Карен в нетерпении вышла на крыльцо. Через несколько секунд она увидела, как Бриджит выскочила из дома и быстро перешла дорогу. Слава богу, у нее есть Бриджит!

– Господи, Карен, что случилось? – спросила подруга. – Ты как будто привидение увидела.

– В доме кто-то был, – ответила Карен.

– Что? – Бриджит была потрясена. – Что ты имеешь в виду?

Карен завела ее внутрь.

– Кто-то заходил в дом, когда нас с Томом не было. Я только что вернулась. Пошла на кухню, а там… – она не смогла договорить.

– Ты кого-нибудь видела? На кухне кто-то был? – спросила Бриджит.

Карен покачала головой.

– Нет.

С появлением Бриджит ей стало спокойнее. Как повезло, что у нее есть такая хорошая подруга через дорогу! Карен знала, что в какую бы неприятность она ни влипла, Бриджит все бросит и поспешит ей на помощь. Хотела бы она рассказать, почему так напугана. Но она не могла открыть правду ни лучшей подруге, ни мужу.

Под ее взглядом Бриджит прошла на кухню и остановилась в дверях, молча осматриваясь. Минуту спустя она тихо вернулась к Карен.

– Карен, что случилось?

– Я вернулась домой и пошла на кухню. Рядом с раковиной стоял пустой стакан. Когда мы утром уходили, его там не было. Кто-то поставил его туда, и это не я и не Том.

– Уверена? – спросила Бриджит.

– Конечно, уверена! Думаешь, я бы так разнервничалась, если бы не знала наверняка?

Бриджит посмотрела на нее с участием. Потом перевела взгляд на кухню и снова на Карен.

– Почему он разбит?

– Я взяла его, у меня закружилась голова и… я его уронила.

Взгляд Бриджит стал тревожным.

– Может быть, нам надо позвонить Тому…

Со смятением в мыслях Том мчался на всех парах домой. Стремглав выскочил из машины и взлетел по ступенькам. Ворвавшись в гостиную, он увидел, что Карен лежит на диване, прижимая к голове упаковку со льдом, а рядом стоит Бриджит.

– Карен, милая, что с тобой? Что случилось?

Карен с трудом села. Протянула лед Бриджит, которая машинально взяла его и положила обратно в холодильник.

– Не знаю, – ответила она. – Я зашла в дом и увидела стакан у раковины. Его точно там не было, когда мы уходили утром. Подумала, что кто-то забрался в дом.

Том пошел на кухню и, увидев на полу битое стекло, застыл в дверях. Поймал взгляд Бриджит, которая закрыла холодильник и осторожно обошла осколки.

Карен подошла к Тому и встала рядом.

– Я уронила стакан, – сказала она.

Том посмотрел на нее с беспокойством.

– А его точно до этого там не было? Ты могла не заметить, – сказал он. Он попытался вспомнить, не наливал ли себе попить утром и не оставлял ли стакан у раковины, но не смог. Со всеми этими волнениями, которыми забита его голова, такие мелочи просто выскальзывают из памяти.

– Не знаю, – покачала она головой. – Мне казалось, что точно. Я проверила кухню, перед тем как мы ушли, чтобы убедиться, что дверь заперта. Мне казалось, мы все убрали.

– Присядь, – сказал Том, подводя ее обратно к дивану, а Бриджит, между тем, принялась убирать осколки. Том оставил Карен на диване и обыскал дом. Все на месте. И он не заметил ничего необычного.

Вернувшись в гостиную, он обнаружил, что Бриджит сидит в кресле напротив Карен. Она была одета по-летнему: в хлопковые капри и майку без рукавов. Длинные каштановые волосы струились по плечам. Под его взглядом она собрала их в узел. Том повернулся к Карен.

– Мне кажется, здесь никого не было, – мягко сказал он.

Карен посмотрела на него, отвела взгляд.

– Думаешь, мне мерещится?

– Нет, – ответил Том спокойно. – Я не думаю, что тебе что-то мерещится. Я думаю, ты забыла, был там стакан или нет. Мы оба много пьем из-за этой жары, любой из нас мог поставить его у раковины. Может быть, это был я, не помню, – сказал он и мягко добавил: – Ты еще не поправилась, Карен. Помнишь, что сказал доктор: после травмы могут возникнуть проблемы и с кратковременной памятью. Может быть, стакан был там, и ты просто не помнишь.

– Может быть, – с сомнением ответила она.

Том повернулся к Бриджит.

– Дальше я сам справлюсь, – сказал он. – Спасибо за помощь.

– Всегда пожалуйста, – ответила Бриджит.

– Да, – с благодарностью подхватила Карен, когда Бриджит поднялась, чтобы уйти. – Не знаю, что бы я без тебя делала, Бриджит.

На глазах у Тома Бриджит нежно обняла его жену, и Карен тепло обняла ее в ответ.

– И спасибо, что убрала стекло, – сказал Том.

– Без проблем, – она улыбнулась Карен. – Увидимся.

Стоя на пороге, Том с Карен смотрели, как Бриджит переходит дорогу. Том стоял чуть-чуть позади Карен. Смотрел на Бриджит. И на жену.

Глава 11

Детектив Расбах остановился на мгновение, чтобы оглядеться. Через дорогу лежал обветшавший торговый центр с супермаркетом, дешевой прачечной, магазином «Все за доллар» и кучей пустых помещений. Даже в такой солнечный день район выглядел угнетающе. Прямо перед детективом находилось место преступления – заброшенный ресторан. Здание заколочено, но кто-то отодрал от окна пару досок – а может быть, они сами отвалились со временем. Расбах обошел вокруг. Кивнув криминалистам, ступил за желтую ленту, ограждающую место преступления.

Он зашел в ресторан через грязную заднюю дверь, которая, в отличие от парадной, не была заколочена, – по крайней мере, теперь. Кто угодно может проникнуть внутрь. Первым делом Расбах обратил внимание на запах. И постарался его не замечать.

Слева стояла старомодная барная стойка, но не было ни столов, ни стульев: отсюда вынесли все, даже люстры. К стене, однако, прижимался дряхлый диван, окруженный пустыми пивными банками. Сквозь окна, там, где отвалились доски, просачиваются солнечные лучи, но в основном свет шел от ламп, установленных криминалистами. Грязный линолеум на полу потрескался, стены потемнели и покрылись пятнами никотина. На полу лежал труп.

От него ужасно воняло. Вот что происходит, когда тело несколько дней лежит в летнюю жару. Оно порядком протухло.

Замерев посреди зловонного ресторана, Расбах подумал, что свой дорогой костюм ему теперь придется сдать в химчистку, и достал из кармана латексные перчатки.

– Был звонок. Анонимный, – сказал стоявший рядом полицейский в форме.

Детектив устало кивнул. Подошел к кровавому, жужжащему кошмару на полу. Постоял над телом, внимательно его разглядывая. Черноволосый мужчина лет тридцати пяти – сорока в дорогих черных брюках и такой же дорогой сорочке, покрытой запекшейся кровью и мухами. Два выстрела пришлись жертве в лицо, еще один – в грудь. На ногах не было обуви, только хорошие, добротные носки. Ремня тоже нет.

– Оружие? – спросил Расбах у стоявшего по другую сторону от тела криминалиста, который так же, как и детектив, задумчиво рассматривал труп.

– Пока не нашли.

Расбах осторожно склонился над телом, стараясь не дышать, и заметил бледную полоску кожи на пальце, где недавно было кольцо, и похожую полоску на запястье на месте часов. Его ограбили, но ограбление не было основной целью убийства, решил Расбах. Что этот человек здесь делал? Ему явно не место в таком районе. Больше похоже на казнь. Вот только ему выстрелили в лицо и в грудь, а не в затылок. Судя по состоянию тела, мужчину убили дня два назад, может, и раньше. Лицо позеленело и распухло.

– Мы знаем, кто это?

– Нет. При нем нет документов. При нем вообще ничего нет, не считая одежды.

– Что со свидетелями?

– По нулям. По крайней мере, пока не нашли.

– Ясно, – Расбах глубоко вздохнул.

Скоро тело увезут к судмедэксперту на вскрытие. Там у него снимут отпечатки и попробуют найти совпадение. А если не смогут идентифицировать по отпечаткам, то будут просматривать все заявления о пропавших, кропотливо и долго, но такова бо?льшая часть полицейской работы. Именно нудный кропотливый труд приносит плоды.

Они продолжат искать орудие убийства. Судя по ранениям, это пистолет 38-го калибра. Вероятнее всего, стрелявший избавился от него подальше от места преступления, либо пистолет кто-то тайком подобрал. Учитывая район, Расбаха не удивляло, что на жертве не было ни ремня, ни обуви, как и украшений с кошельком, и мобильного телефона, скорее всего, тоже.

Все их находки после осмотра трупа и места убийства ограничивались розовыми резиновыми перчатками до локтя с цветочным узором по краю, которые лежали на маленькой парковке неподалеку. Расбах сомневался, что между ними и трупом в ресторане есть какая-то связь, но все равно распорядился, чтобы их забрали как вещдок. Никогда не знаешь наверняка.

Вместе со вторым детективом, Дженнингсом, и парочкой полицейских в форме Расбах провел вечер в хождении по домам и поиске свидетелей.

Как и ожидалось, они никого не нашли.

На следующее утро их ждал доктор Перрьера, судмедэксперт.

– Приветствую, детективы, – сказал он, довольно улыбаясь.

Расбах знал, что судмедэксперты приходят в восторг, когда их навещают детективы. Его не переставало удивлять, что без малого двадцать лет угнетающей работы никак не отражались на настроении доктора. Колотые и огнестрельные ранения, автомобильные катастрофы, утопленники – ничто как будто не могло поколебать его жизнерадостность и общительность.

Перрьера протянул им мятные леденцы. Помогает от запаха. Оба детектива взяли по леденцу. Развернули шелестящие обертки. Доктор Перрьера собрал их и выкинул в мусорный ящик.

– Что вы можете нам рассказать? – спросил Расбах, когда они, стоя вокруг длинного металлического стола, смотрели на лежащий на нем труп. Расбаха радовало, что у Дженнингса, как и у него самого, крепкий желудок. Лицо напарника выражало лишь сосредоточенное любопытство и никакого дискомфорта при виде разлагающегося на столе тела; на его щеке проступил

бугорок от мятной конфеты.

– Тело целехонько, – радостно начал доктор Перрьера. – Мужчина европеоидной расы, чуть меньше сорока, здоровый. Первый выстрел пришелся в грудь, второй – в щеку, но именно третий, прямо в мозг, убил его. Смерть наступила мгновенно. Выстрел производился с близкого расстояния – примерно метра два – из пистолета 38-го калибра.

Расбах кивнул.

– Когда именно он умер? – спросил он.

Доктор Перрьера повернулся к Расбаху.

– Я знаю, вы, ребята, обожаете устанавливать время смерти, и я стараюсь, правда. Но вы же понимаете, что, когда мне приносят труп, пролежавший несколько дней, это снижает точность расчетов.

Расбах знал, что Перрьера – перфекционист, всегда стремится к идеальному результату.

– Я понимаю, – терпеливо ответил он. – Но мне все же хотелось бы услышать ваши предположения.

Доктор улыбнулся.

– Я провел вскрытие вчера вечером. Судя по степени разложения и найденным в теле личинкам – учитывая, конечно, жару, – я бы сказал, что он умер дня за четыре до этого, плюс-минус день.

Расбах подсчитал в уме.

– Четыре дня со вчерашнего вечера – это будет вечер тринадцатого августа.

Доктор Перрьера кивнул.

– Его могли убить не ранее вечера двенадцатого и не позднее вечера четырнадцатого. Где-то посередине.

Расбах посмотрел на тело на металлическом столе. Если бы только оно могло говорить.

Вернувшись в участок, Расбах собрал наспех сколоченную команду в одном из больших залов заседаний. Дело вели они с Дженнингсом, и еще несколько патрульных полицейских он отобрал в помощь.

– Мы все еще не знаем, кто этот парень, – сказал Расбах. – Его отпечатков нет в базе пропавших без вести и вообще ни в одной базе. Распространите описание и фото среди полиции и в СМИ – посмотрим, не выяснится ли, кто он. Возможно, даже в таком состоянии его кто-нибудь узнает.

После этого Расбах решил проверить полицейские отчеты за 48 часов между двенадцатым и четырнадцатым августа. Посмотреть, нет ли чего необычного. Поиск не дал значительных результатов: всего лишь несколько незначительных случаев конфискации наркотиков и парочка ДТП, одно из которых казалось довольно заурядным – легкое столкновение автомобилей после обеда. Но вот другое… «Хонда Цивик» превысила скорость в непосредственной близости от места преступления и врезалась в электрический столб примерно в 20:45 тринадцатого августа.

По шее Расбаха побежали мурашки.

Глава 12

– Чем можем помочь? – спросил Флеминг Расбаха, потягивая кофе из кружки. – Не каждый день к нам заходит детектив по уголовным делам.

Расбах выложил на стол фотографию жертвы.

Флеминг с Кёртоном склонились над столом. Кёртон сразу покачал головой. Флеминг внимательно рассмотрел фотографию, но ничего не сказал.

– Тело пролежало несколько дней, – сказал Расбах. – Его нашли семнадцатого августа. По крайней мере, в тот день поступил звонок. Думаю, до этого его успели обчистить местные.

– Мне он не знаком, – сказал Кёртон.

– Я тоже первый раз вижу, – Флеминг посмотрел на Расбаха. – Какое это имеет к нам отношение?

– Его убили в заброшенном ресторане на улице Хоффман примерно тринадцатого августа, плюс-минус день. Я так понимаю, вечером тринадцатого неподалеку произошла авария.

Флеминг с Кёртоном быстро переглянулись. Кёртон выпрямился и кивнул.

– Произошла.

– Расскажите, что вы об этом знаете, – попросил Расбах.

– Женщина превысила скорость, поехала на красный свет. Резко свернула, чтобы избежать столкновения, потеряла управление и врезалась в столб, – ответил Кёртон.

– Она жива?

– Да, – сказал Флеминг, наклоняясь к Расбаху через стол. – Жива, но у нее, видите ли, амнезия.

– Вы что, шутите? – спросил Расбах.

– Нет. Все ей верят: доктора, муж, – ответил Флеминг.

– Но не вы.

– Я не знаю. В тот вечер муж позвонил в «911» и сообщил, что она пропала. Она выбежала из дома без сумочки и без телефона, забыла запереть дверь.

Расбах повернулся к Кёртону, тот покачал головой.

– Думаю, она врет, – сказал он.

– Что вы знаете об этой женщине? – спросил Расбах.

– Ее зовут Карен Крапп, – сообщил ему Флеминг. – Обычная домохозяйка, если забыть о том, где она была и как себя вела тем вечером.

– Домохозяйка?

– Ага. Немного за тридцать, работает младшим бухгалтером. Муж тоже бухгалтер. Детей нет. Славный дом в пригороде – в Генри-Парк.

Внезапно Расбаху вспомнились розовые резиновые перчатки, которые он подобрал рядом с местом преступления и велел добавить к вещдокам. Их переехала машина, на поверхности остались отпечатки шин.

– Что случилось с машиной? – спросил он.

– «Хонда Цивик». Разбита вдребезги, – ответил Кёртон.

– Мне нужно будет увидеть шины этой «Хонды», – сказал Расбах. Его охватила легкая дрожь предвкушения. Разве не интересно было бы, подумал он, найти связь между этой машиной, этой домохозяйкой и жертвой убийства?

– Я так понимаю, теперь вы здесь главный, Расбах, – сказал Флеминг.

На следующее утро, выходя из дома, Том чувствовал себя напряженным и несчастным. Он надел джинсы и собирался на пару часов заскочить в офис, чтоб хотя бы за выходные уменьшить объем накопившихся дел. Пока Карен лежала в больнице, он изрядно выбился из графика. Сегодня она снова поднялась до того,

как он проснулся, и ее лицо, когда он поцеловал ее, было бледным. Отек уже спал и синяки начали сходить, но все равно она была непохожа на прежнюю Карен.

Авария изменила ее. Раньше Карен была такой теплой и легкой в общении. А теперь держится отстраненно. Все время молчит. Иногда вздрагивает от его прикосновений. Раньше такого никогда не случалось. Она кажется нервной, напуганной. И тот случай со стаканом показался ему тревожным. Том уверен, что в доме никого не было. Тогда почему она так убеждена в обратном? Довела себя до настоящей паники.

Ему и самому неспокойно. Она действительно не помнит тот вечер? Или просто что-то скрывает?

Подозрение отравляет; в его мозг стали закрадываться сомнения, вспоминаться мелочи, на которые он раньше не обращал внимания.

Сомнения относительно ее прошлого. У Карен было так мало вещей, когда она переехала к нему. Он еще спросил тогда, не хранится ли где-нибудь остальное. Она посмотрела ему прямо в глаза и ответила:

– Нет, это все. Я не цепляюсь за вещи. Не люблю загромождать дом.

Пару раз он задавался вопросом, почему у Карен не сохранилось никаких старых связей. Когда он спросил ее о родных, она ответила, что у нее нет семьи. Это он мог понять. Его родители тоже умерли, не осталось никого, кроме брата. Но у нее вообще никого не было. У него были университетские друзья, у нее – нет. Когда он стал приставать с расспросами, она сказала, что не умеет поддерживать связи с людьми. Скорчила рожицу, как будто он делает из мухи слона.

Он любит ее, она любит его, у них идеальные отношения. И если она не хотела ему рассказывать о жизни, которую вела до того, как они встретились, он готов был это принять. Он никогда не терзался подозрениями – просто думал, что она не любит откровенничать.

Но теперь он уже не уверен, что его все устраивает. Он вдруг понял, что на самом деле почти ничего не знает о собственной жене.

Детективы Расбах и Дженнингс ждали в лаборатории. Розовые перчатки проходили экспертизу, хотя было воскресенье.

Расбах принес ароматный двойной эспрессо – для эксперта Стэна Прайса, который согласился сегодня утром выйти на работу. Это всего лишь кофе из «Старбакса», но Расбах знал, что у Стэна обычно нет времени сходить туда самому.

– Спасибо, – сказал Стэн, с улыбкой принимая стаканчик. – Хороший кофе делает половину дела.

В подвале здания, где находилась лаборатория, стояла кофемашина, но она знаменита тем, что делает отвратительный кофе. Возможно потому, что ее не чистят, однако до сих пор никто не выразил желания проверить эту теорию и хорошенько ее отдраить. Расбах мысленно сделал заметку: подарить отделу криминалистики новую эспрессо-машину на Рождество.

– Что там? – спросил Расбах.

– Так, перчатки. Мне удалось снять с одной хороший отпечаток шины, – Стэн одобрительно хлебнул кофе. – Этот отпечаток соответствует размеру и модели шин интересующего вас автомобиля. Модель та же, но нельзя с уверенностью сказать, что это были именно эти шины. Что именно этот автомобиль переехал перчатку. Но такое могло быть.

– Хорошо, – ответил Расбах. Уже кое-что. – Каковы шансы, что мы найдем ДНК в перчатках?

– Я бы сказал, шансы высоки, но придется подождать. У меня тут очередь.

– Ты можешь как-то ускорить процесс?

– А ты можешь и дальше приносить мне этот восхитительный кофе?

– Заметано.

Карен взяла сумочку, ключи, телефон и приготовилась выйти из дома. Нужно сбегать в магазинчик на углу.

Но когда она открыла дверь, на пороге стоял какой-то мужчина.

От неожиданности она чуть не вскрикнула. Однако незнакомец не выглядел угрожающе. Прилично одетый, в хорошем костюме. Со светлыми волосами и умными голубыми глазами. И тут она заметила второго, который только поднимался по ступенькам. Она посмотрела на него с тревогой, потом перевела взгляд на стоящего перед ней.

– Карен Крапп? – спросил незнакомец.

– Да, – с подозрением ответила она. – А вы кто?

– Детектив Расбах, – он оглянулся на своего спутника, который встал рядом с ним. – А это детектив Дженнингс.

Глава 13

Карен впилась взглядом в детектива, ее сердце лихорадочно забилось. Этого она не ожидала.

– Мы можем поговорить? – спросил Расбах, показывая Карен свой значок.

В висках застучало. Она не хочет говорить с ними. У нее теперь есть адвокат. Почему он не дал ей никакого совета на случай, если копы снова придут ее допрашивать? Почему она не спросила?

– Мне надо идти, – выдавила она.

– Это ненадолго, – заверил ее Расбах, не двигаясь с места.

Она заколебалась, не зная, что предпринять. Если отказаться говорить с ними, это настроит их против нее. Наконец она решила, что лучше их впустить. Скажет, что ничего не помнит. В конце концов, это правда. Она ничего не может им рассказать о том вечере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lapen-ya_sheri/postoronniy-v-dome

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити